

18+

ДАРЬЯ ПРОТОПОПОВА

ЛОНДОН. мать!



САГА О СОВРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИНАХ

Дарья Протопопова Лондон, мать! Сага о современных женщинах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67028420

ISBN 9785005586384

Аннотация

Что произойдет, если вы приютите попугая, а ваш муж окажется против? Или если вы забудете в раздевалке лондонского бассейна убрать свои трусы в шкафчик? Или если вам приснится всемирный потоп, и вы приметесь спасать пчел на английских газонах? А когда вы, наконец, уляжетесь на одноразовой простыне, убедит ли вас мастер эпиляции, что вы все сделали правильно? Книга «Лондон, мать!» – о женщинах в мегаполисе. Они «воюют» с ним каждый день. Победят ли они?

Содержание

Отзывы о книге	5
Глава 1	7
Глава 1	8
Глава 2	27
Глава 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Лондон, мать!

Сага о современных женщинах

Дарья Протопопова

Редактор Виктория Лебедева

Корректор Ирина Суздалева

Иллюстратор Елизавета Бенк

Дизайнер обложки Клавдия Шильденко

© Дарья Протопопова, 2024

© Виктория Лебедева, редактор, 2024

© Елизавета Бенк, иллюстрации, 2024

© Клавдия Шильденко, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0055-8638-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Отзывы о книге «Лондон, мать!»

Женщина в большом городе. Чего она хочет, чем занята, что ее вдохновляет? Героини саги «Лондон, мать!» по-разному отвечают на эти вопросы. Одна спасает животных, при этом забывая о собственной свободе. Вторая стремится оправдать надежды своих амбициозных родителей. Третья чувствует себя одинокой в чужом городе и пытается найти себя в материнстве. Четвертая решает изменить надоевшему мужу. Пути героинь неожиданным образом пересекаются, и одной из них приходится бежать из дома. Если сериал «Секс в большом городе» вас когда-то развлек, эта книга для вас – сильных и ранимых, деловых и романтичных, осторожных и импульсивных женщин.

«Лондон, мать!» рассказывает о жительницах современного Лондона – иммигрантках первого и второго поколения, приехавших из Италии, России, Китая и Польши. Стать своей и не потерять себя – такую задачу под пристальным авторским взглядом решают героини – сложные, настороженные и интересные обитательницы британской столицы.

*Елена Шахновская,
драматург и прозаик (Москва)*

Героини этих историй могли бы жить где угодно, но автор мастерски помещает их в реалии Лондона наших дней. Книга «Лондон, мать!» – об одиночестве в большом городе, об отношении к себе, к другим, к миру.

*Юлия Коваль-Молодцова,
музыкант, эксперт по международным коммуникациям
(Амстердам)*

Помимо ярких характеров и сочного языка, книга Дарьи Протопоповой хороша точными деталями Лондона и лондонской жизни. Это такие подробности, которые видны лишь изнутри. Тем, кто уже был в английской столице и хоть немного знает ее, каждый рассказ подарит радость узнавания. А если вы только собираетесь в Лондон или мечтаете о нем, книга усилит предвкушение встречи.

*Наталья Склярова, журналист,
преподаватель русского языка (Лондон)*

Глава 1

Глава 1

Что видел попугай

Под лапами серели пыль и бугристый асфальт, а в горле окончательно пересохло, потому что водоемов поблизости не было (разве что канал в трехстах метрах, но о нем попугай не догадывался), а лужи от поливальных машин исчезали моментально из-за необычной для Лондона жары. Постепенно рассвело, и попугаю стало понятно: он совсем не знает, что ему делать. Всего несколько часов назад он сидел в своей клетке на квартире у толстого пенсионера-англичанина, рассматривая сквозь прутья старую потертую мебель, стопки журналов и разбросанные по комнате блестящие банки из-под пива. В клетке стояло блюдо с водой, которую англичанин старался менять каждый день, но иногда забывал, чернела шелуха подсолнечника в кормушке и прел огрызок яблока, уже изрядно обклеванный. Пахло сигаретным дымом: хозяин выходил на балкон покурить, но дверь оставлял открытой, и комната наполнялась невидимыми никотиновыми парами, как если бы он курил, не сходя со своего любимого места напротив телевизора.

Англичанин затаился и медленно выдохнул белесый дымок. Глаза его уперлись в небоскреб, который уже шестой месяц строили напротив его пятиэтажки. Небоскреб был ви-

ден из клетки и попугаю. Попугаю он нравился: в его зеркальных стенах отражалось солнце, вверх и вниз по небоскребу ползали какие-то коробки, а вокруг небоскреба толпились похожие на птиц подъемные краны. Небоскреб попугая развлекал. Докурив сигарету, англичанин махнул рукой в сторону стройки, плюнул со своего четвертого этажа на украшенный галькой бордюр и шагнул обратно в квартиру. Попугай заверещал и начал выделять сальто по клетке: вдруг о нем вспомнят, добавят семян или нальют свежей воды. Трюк удался. Англичанин пробормотал что-то знакомое, но всё равно нечленораздельное, открыл дверцу и отошел на шаг в ожидании. Ага, приглашает полетать. Летать особо не хотелось, но старые коробки в углу выглядели заманчиво. Попугай прыгнул на перекладину напротив дверцы и, оттолкнувшись от нее, выпорхнул наружу. Приземлившись на коробки, он закричал во всё горло, чтобы всем было известно, где он находится. В этот же момент зазвонил телефон. Станный крик, подумал попугай, и странно, что хозяин на него всегда отзывается с невероятной быстротой. Вот и сейчас: выбежал из комнаты – и крик замолк.

Попугай остался один в гостиной и начал всё разглядывать. Мебель и вещи стояли на привычных местах, непривычной была только жара. Это было первое лето в жизни попугая, и от летней погоды на птичьей душе становилось сладко. Дальше его взгляд скользнул по истертому ламинированному полу, и вдруг у закрытой балконной двери попугай за-

метил арбузное семечко. Предыдущим вечером к англичанину приходили гости, принесли огромный, в двадцать раз больше попугая, арбуз, купленный в арабском магазинчике в конце улицы. Арбузных семечек попугаю не дали (побоялись, что нельзя, идиоты).

Семечко лежало на полу и аппетитно отсвечивало ультрафиолетом. Вообще все краски попугаю виделись в галлюциногенном на человеческий взгляд фильтре, но отблеск от семечка отличался особым теплом. Хозяин всё еще кричал в коридоре. Попугай в последний раз оглянулся на звук и слетел на пол к добыче. Тут где-то в глубине квартиры хлопнуло, воздух колыхнулся, и балконная дверь распахнулась настежь. Попугай испугался, скакнул в сторону и оказался перед балконным порогом. Напрямую, не через стекло, в глаза хлынуло небо, послышался шум шоссе между пятиэтажкой и небоскребом, в мозг ударило: «Лети!» – и попугай вспорхнул на перила. Горячий июньский ветер подул в костяные ноздри, в мозг снова ударило, и попугай неожиданно для себя снова взмахнул крыльями, хотя вообще-то никуда не собирался. Через несколько секунд он очутился на асфальте и по инерции пропрыгал, почти ослепший от пыли и страха, еще несколько метров. Солнце обжигало, и, смутно различив вдалеке тень, попугай ринулся к ней. Так он оказался у безлюдной автобусной остановки Edgware Road. Забившись под боковую стенку остановки, он замер и просидел неподвижно, как ему показалось, целую вечность.

Попугай очнулся оттого, что огромная поливальная машина проползла мимо, обдавая тротуар свежей водяной струей. Брызги, долетевшие до попугая, быстро смешались с пылью и превратились в кляксы мокрой грязи. Попугай отскочил от остановки и приник к основанию фонарного столба. Когти больно цеплялись за асфальт, страшно хотелось пить, но двигаться в поисках воды было страшно. На автобусной остановке редкие прохожие попугая не замечали, но теперь его темно-зеленые перья и красная голова стали привлекать внимание спешащих на работу людей. Большие незнакомые люди останавливались, протягивали к попугаю руки, сами пугливо их отдергивали, когда он отпрыгивал в сторону, и шли дальше. Протрусили мимо несколько собак на поводках. Попугай замер, но испугался он напрасно: собак больше интересовала смесь запаха лисьей мочи и прятавшихся в кустах крыс.

Из подъехавшего к остановке автобуса вышла кучка людей, и одно человеческое существо напомнило попугаю дочку его англичанина: на ее ногах были такие же кроссовки с блестящими камешками. Попугай прыгнул навстречу кроссовкам. Кроссовки остановились. Нет, не те кроссовки, не те! В порыве самосохранения попугай схватился клювом за шнурок. Незнакомые ноги медленно согнулись, и к попу-

гаю протянулась рука. Рука была тоже незнакомая, но на ней блестели целых три кольца. В любой другой день, в зоне клеточного комфорта, попугай бы эти кольца оценил и взял на клюв, но в тот момент в его помутненном сознании стало ясно лишь одно: рука совершенно чужая и лучше от нее бежать. Он напрягся из последних сил, собираясь отпрыгнуть куда-нибудь в сторону или обратно к столбу, но тут его накрыли широким розовым шарфом, окутали и понесли. Попугай впал в забытье.

* * *

Очнулся он в полумраке. Пахло картоном: этот запах был ему уже знаком, так как он любил выщипывать дырки в старых коробках англичанина. Когти заскользили по картонному дну, в полутьме попугай разглядел, что ему поставили блюдце с водой, а рядом положили кружок сырой моркови. Моркови попугай никогда не пробовал: у англичанина из свежей растительной пищи были только яблоки и – однажды – злополучный арбуз с его проклятыми семечками. Попугай перешагнул через морковный кружок на середину коробки, к свету, проникавшему через зазор в крышке. Щель была прикрыта всё тем же розовым шарфом. Попугай подпрыгнул, схватил шарф клювом и потянул. Шарф провис в коробку. Уцепившись за него лапой, попугай втянул его внутрь еще больше, а потом, бочком карабкаясь по материи,

вылез наружу – как оказалось, в багажное отделение внедорожника. В машине было тихо (по сравнению с диким шумом, оглушившим попугая на тротуаре у шоссе), и он осмелел. Вспорхнул на спинку заднего сиденья; уцепившись когтями за боковую дверь, стукнул клювом в стекло; убедившись, что не выбраться, прыгнул под сиденье. Там его и нашла через несколько часов его спасительница Сильвия, итальянка двадцати девяти лет, спешившая в тот день на работу в магазин одежды, где она числилась продавщицей и дизайнером витрины.

Сильвия не стала сажать попугая обратно в коробку перед тем, как отправляться домой, а решила ехать как есть. Она немного испугалась, когда попугай вспорхнул на спинку заднего сиденья, но он спокойно просидел там до конца поездки. Ей снова пришлось ловить его шарфом, но силы у попугая были уже на исходе, и он почти не сопротивлялся. Замотав шарфом коробку, она быстро донесла ее с парковки до своей подвальной квартиры в Ноттинг-Хилле и, открыв дверь толчком ноги (было не заперто), прокричала:

– Амóре¹, у меня для тебя сюрприз. Ты всегда говорил, что хотел домашнего питомца. Вот, познакомься! – И она подвела мужа к коробке. – Это Полли!

– Дио мио!² – воскликнул Андреа, муж Сильвии, приподнимая шарф и разглядывая сквозь шелку длинный зеленый

¹ *Amore*. Любовь моя (*итал.*).

² *Dio mio*. Боже мой! (*итал.*)

хвост попугая. – А почему Полли? Ты уверена, что это девочка?

– В Англии всех попугаев зовут Полли. И это определенно девочка – ей понравились стразы на моих кроссовках, из-за них мы, собственно, и познакомились. Гляди, как она уже берет семена из моих рук.

Попугаю (который, кстати, был самцом) было совершенно всё равно, как его называют, но он уже почувствовал некую связь между зовом «Полли, Полли» и семенами подсолнечника, которые тонкая рука с тремя кольцами, подобравшая его на Edgware Road, просовывала в коробку. На следующий день Сильвия купила в зоомагазине белую клетку, такую большую, что она даже не уместилась в багажнике, ее пришлось везти на заднем сиденье. Клетка попугаю сразу понравилась: в отличие от угловатого параллелепипеда из серых прутьев, где он жил у англичанина, клетка Сильвии была похожа на шатер из ажурного металла, выкрашенного в белый цвет.

В тот вечер Сильвия и Андреа оживленно советовались, какие еще аксессуары приобрести для усыновленного (вернее, удочеренного) питомца. По интернету они заказали веревочную лесенку, гнездышко из искусственного меха и корм для попугаев класса люкс.

* * *

Клетку в итоге поставили в пустовавший угол гостиной. Вернее, пустовал он по мнению Сильвии: на самом деле его занимала бесполезная (считала она втихомолку) стеклянная штукавина, купленная Андреа в Венеции еще до их знакомства. Ваза не ваза – голубая бутылка с витым горлышком. Горлышко постепенно сужалось, пока не переходило в трубочку диаметром не больше горошины. «Шедевр мастера-стеклодува», – любовно указал на вазу Андреа, когда Сильвия впервые пришла к нему в гости. Сильвия тогда только переехала в Лондон из Палермо, где у нее остались отец и две сестры. Ее впечатлила и ваза, и квартира в Ноттинг-Хилле, всего через две улицы от того места, где снимали известный фильм с Хью Грантом и Джулией Робертс. Андреа снисходительно улыбнулся в ответ на ее восторги. «Временное пристанище, – бросил он по поводу своего съемного жилья. – Только англичане могут гордиться тем, что обитают в этом грязном и шумном закутке, ибо он, видите ли, в двух шагах от Кенсингтонского дворца. Я мечтаю о высоких потолках, головокружительных балконах, панораме из окна». Сильвия кивала и улыбалась. Ее не смущало подвальное окно, выходящее на кирпичную лестницу. Если у них с Андреа всё получится, думала она в тот вечер, можно будет сказать, что ее жизнь удалась.

Голубую бутылку Сильвия передвинула в противоположный угол, а на ее место водворила клетку с «Полли». В тот же вечер Андреа, пробормотав что-то про «момент настал»,

с решительным видом засел за ноутбук и занялся поиском новой квартиры. «Мы и так ждали два года», – сказал он Сильвии, когда та спросила, уверен ли он. «Ничего, – добавил он, увидев ее опечаленное лицо, – может быть, и хорошо, что подождали: недвижимостью хоть немного подешевела за это время. Только теперь, – подытожил Андреа, – больше никаких компромиссов! Ищем квартиру не ниже седьмого этажа, и чтобы обязательно много стекла и металла. Переедем поближе к Сити, тебе понравится».

Сильвия не стала спорить: ее отвлек попугай. Высунувшись из мехового гнезда, он смешно моргал сонными глазами.

* * *

Андреа еще до рассвета быстро выпил кофе в полутемной кухне и, бросив то ли сонный, то ли хмурый взгляд на прикрытую покрывалом клетку, помчался на велосипеде на работу – в модную парикмахерскую в районе Челси. Почти все его коллеги-парикмахеры были итальянцы – порой Андреа казалось, что он и не уезжал из родного Неаполя.

Его супруге надо было на работу только к одиннадцати утра, и она проснулась, когда уже полностью рассвело. Первым делом Сильвия, как она делала это каждое утро уже три месяца, напомнила сама себе об их удаче: переехали в уникальный дом, да еще с видом на Темзу! Они с Андреа на-

конец-то выбрались из подвала в Ноттинг-Хилле и переместились на другой конец Лондона, в район Southwark, в здание, расположенное в нескольких минутах ходьбы от шекспировского театра «Глобус». Новая квартира выходила окнами на музей современного искусства Тейт Модерн; сам многоэтажный дом, спроектированный модным архитектором, напоминал цилиндрическую башню (Сильвия любила скругленные углы) с металлическими укреплениями цвета ярко-желтой охры и панорамными окнами. Квартиры в доме были многоуровневые: кровать, на которой лежала, потягиваясь, Сильвия, находилась на так называемых антресолях – дань моде на динамику в пространстве, как объяснил им агент по недвижимости.

Попугаю новая квартира нравилась меньше, чем все предыдущие: в ней было пусто, гулко и неинтересно. Под предлогом переезда в современное жилье Андреа смог, наконец, воплотить мечту о строгом минимализме. В лофт-пространстве не предполагалось разбросанных по столу старых журналов, пылящихся в углу коробок, разнокалиберных сувениров по полкам. Самих полок тоже не было: ни присесть во время облета квартиры, ни осмотреться, ни почесаться клювом о края.

– Полли! Полли! – Ностальгические воспоминания попугая о замусоренной квартире англичанина и о маленьком, но уютном подвальчике в Ноттинг-Хилле прервал ласковый зов Сильвии. Из-под не достававшего до низа клетки покры-

вала попугай видел, как она сошла по изогнутой белой лестнице в белую гостиную. Впервые за три месяца она не отправилась прямо к окну, чтобы погордиться видом на реку и Тейт Модерн.

– Полли, Полли, мамма мия³, как ты умудрилась столько намусорить? – запричитала Сильвия, стягивая покрывало и бросая его на диван, хотя обычно она аккуратно складывала его и убирала под журнальный столик, чтобы не расстраивать Андреа.

Попугай, не подозревая о смысле ее слов, как ни в чем не бывало начал утреннюю гимнастику. Она состояла из бешеной скачки по клетке и такого быстрого кружения под куполом, словно это был не попугай, а зеленый пропеллер.

– Смотри, как я умею! – прочирикал попугай Сильвии.

А она, уже привыкшая к выкрутасам «Полли», не обращая на попугая внимания, стояла на коленях со щеткой и совком и собирала разбросанные за ночь семена.

После уборки Сильвии стало легче. В конце концов, это не ребенок, за которым надо ухаживать круглые сутки, и даже не собака, которую надо выгуливать утром и вечером. «Приемлемый объем ухода за вполне очаровательной живностью» – так, кажется, выразился Андреа в день, когда он согласился на попугая. Казалось бы, Полли появилась у них не так давно, но сколько изменилось за эти три месяца. Новый дом, новые знакомые-соседи. Что-то новое, неуловимое,

³ Мамочки! (*итал.*)

в поведении Андреа. За раздумьями Сильвия не заметила, как остыл ее кофе. Завтракать расхотелось: свой утренний апельсин она поделила с Полли: попугай настолько радовался ароматной дольке, что залез с уже привычной фамильярностью на кисть просунутой в клетку руки и, усевшись поудобнее на запястье, стал выклевывать апельсиновые семена.

– Полли! – засмеялась Сильвия. – Какая ты все-таки хорошая птица!

И на волне умиления даже не поморщилась, когда понесла менять загаженную воду из большой стальной поилки.

Прошло еще несколько недель. Попугай всё больше осваивался на новом месте. В окно ему были видны летавшие над Темзой чайки; слышался шум толпившихся у входа в Тейт Модерн любителей современного искусства. Он всё так же принимал ванны в своей поилке, брызгаясь и устраивая лужи вокруг клетки; разбрасывал шелуху, роясь, как курица, лапами в кормушке. Сильвия терпеливо убирала за ним: утром, потому что сама не очень любила беспорядок, и, еще тщательнее, вечером, перед возвращением Андреа с работы. Она даже находила в этой уборке удовлетворение от ухода за кем-то, потому что за Андреа убирать не приходилось. Ей нравилось, что попугай ждал ее дома, когда она возвращалась с работы. Ужинала Сильвия одна перед экраном огромного телевизора. Андреа задерживался в парикмахерской допоздна и приходил домой обычно около девяти вечера. Попугая он почти не видел, и только по выходным на-

чал замечать некий дискомфорт, вкравшийся в его жизнь. Во-первых, пожаловался он Сильвии однажды воскресным утром, от Полли слишком шумно («troppo chiassoso!»): ее постоянное щебетание, это вечное «кики-рики», начало действовать на его истрепанные на работе нервы. Во-вторых («secondo!»), от Полли слишком много мусора. По выходным Сильвия не всегда успевала подмести за попугаем до того, как Андреа входил в гостиную, где стояла клетка, и периодически он приходил в ужас от того, насколько беспорядочно прыгает и клюет «эта птица», разбрасывая корм во все стороны.

– Это невозможно терпеть! – взорвался Андреа прекрасным июльским утром, когда, казалось бы, надлежало лишь радоваться голубому небу и свежему ветерку с Темзы.

Но Андреа было не до погоды. Он стоял спиной к окну и с налившимися кровью глазами кричал в лицо Сильвии. Та застыла от неожиданности, скомкав в руке ворот своего шелкового кимоно.

– Тебе что, не видно, что у нас все жалюзи покрыты пылью?! – брызжа слюной, орал Андреа. – И коробки с DVD еще не разобраны! Мы за собой не успеваем убирать, а с этой птицей наша квартира вообще превратится в помойку! Зачем тогда было переезжать из Ноттинг-Хилла сюда? Сидели бы там, продолжали бы смотреть снизу вверх на ноги прохожих.

– Ты же знаешь, я стараюсь убирать, как могу, – попыта-

лась как можно спокойнее и увереннее возразить Сильвия. – А уборщицу ты сам не хотел нанимать, так как боялся, что она разобьет твои вазы из муранского стекла.

Но Андреа было не успокоить. Он уже несколько месяцев мучился мыслью о том, что его отношения с Сильвией зашли в тупик, что ему давно хочется новых впечатлений с новым человеком и что эта внезапная любовь к «сиротке Полли», как иногда называла попугая Сильвия, подозрительно смахивала на репетицию будущего материнства.

Не помогло и то, что «Полли» в этот момент обрадовался потоку звуков, отскакивавших от стен обыкновенно тихой квартиры, и заверещал так, будто в комнате находился не один, а десяток длиннохвостых попугаев.

Андреа решил бить наотмашь. С отвращением взглянув на «Полли», он процедил:

– Нашла питомца под стать себе! Как он, весь день бегаешь, суетишься, а в результате только шум и грязь. И сплошные убытки.

Арендная плата за модную квартиру уже давно стала камнем преткновения между Сильвией и мужем. Но никогда еще в их разговорах расходы на совместную жилплощадь не попадали в категорию «убытков».

Сильвии вдруг ужасно захотелось дать Андреа пощечину. Но мелькнуло воспоминание, как однажды, когда на прогулке она в шутку толкнула мужа с тротуара, Андреа толкнул ее в ответ так сильно, что она потеряла равновесие и упала.

«Я тоже в шутку», – сказал он тогда, помогая ей встать.

Передумав давать пощечину, Сильвия подбежала к клетке с попугаем, вынула поилку, сняла клетку с подставки и, повесив на плечо сумочку (в крайнем случае, на номер в гостинице на пару дней хватит, пронеслось в голове), выбежала вместе с клеткой из квартиры, не закрыв за собой дверь.

* * *

Попугай судорожно перебирал лапками, пытаясь сохранить равновесие в болтающейся клетке. Мимо мелькали пятна желтого (гравий перед Тейт Модерн), зеленого (листва деревьев), а глаза слепила громада неба. Сильвия понеслась к реке, на мост, с которого во всем великолепии был виден собор Святого Павла. Прохожие с удивлением глазели на нее, всё еще одетую в шелковое кимоно (плевать, может, у меня стиль такой!), на клетку с попугаем, но в Лондоне людей сложно удивить, поэтому через несколько секунд они уже смотрели в другую сторону, на панорамные виды, и забывали о женщине с птицей. Добежав до середины моста, словно до какой-то итоговой точки, Сильвия остановилась перевести дух. Клетку она поставила на решетчатый настил моста, сквозь который просматривалась с высоты тридцати метров мутная вода Темзы. Прямо под ногами, пусть и через решетку, близость смертельной глубины чувствовалась особенно остро. На секунду Сильвии показалось, что мост – это

иллюзия, и что если она вдруг перестанет верить в нее, то упадет прямо в городскую клоаку. Ее затошнило, и она села рядом с клеткой, скрестив ноги и стараясь смотреть вдаль, на набережную, на людей, идущих куда-то по твердой земле. Попугай, пришедший немного в себя, отцепился от прутьев, спрыгнул на дно и притих. Сильвия посмотрела на него, и ей вдруг стало жалко и «Полли», и себя, и своей квартиры с видом на Тейт Модерн, которую занесли в «убытки». Окна квартиры она и сейчас могла видеть с моста. Интересно, что делает там Андреа? Он даже не побежал за ней. Может быть, он даже рад, что она ушла, и теперь наслаждается тишиной на их белом диване?

– Полли, Полли, что нам теперь с тобой делать? – прошептала она, и ее шепот утонул в шуме текшей по мосту реки туристов.

Она достала из сумочки телефон. Десять пропущенных звонков от Андреа. И одно сообщение: «Нам надо поговорить».

Стараясь не смотреть на клетку, Сильвия встала, отряхнулась и медленно накинута сумочку на плечо. Стало внезапно холодно то ли от «нам надо поговорить», то ли оттого, что подул ветер и солнце накрыло облаком. Сильвия облокотилась на перила немного в стороне от клетки, словно это был не ее попугай, и вообще она случайно проходила мимо и не имела к этой клетке никакого отношения. Мотнув головой и даже как будто простонав, она сделала несколько

шагов обратно к Тейт Модерн; когда стало ясно, что небеса не разверзнутся и ничего, собственно, такого страшного не произойдет, если она оставит клетку на мосту, она подобрала полы кимоно и побежала обратно к башне цвета охры.

Попугай снова остался один. Справа от него высился собор Святого Павла, слева пестрел черно-белыми стенами шекспировский «Глобус» и краснела громада музея с картинами Пикассо и Хокни. Попугай же смотрел на чаек, круживших над причаленным к берегу мусоросборником, озираясь на мелькавшие ноги, платья, детские коляски, которые иногда останавливались рядом с клеткой и из них слышались тоненькие голоса и тянулись маленькие ручонки. Детские руки попугая не пугали: он был все-таки больше детской ладони и не сомневался, что сможет, если надо, за себя постоять.

Чайки, одна из которых уже села неподалеку от клетки, волновали попугая гораздо больше. Он хорошо разглядел огромный желтый клюв с красным пятном на конце, словно там застыла капля крови какой-нибудь невинной жертвы. Но вдруг рядом с клеткой притормозили две пары тяжелых черных ботинок. Над ботинками возвышались черные брюки, а над брюками желтели жилеты ярко-лимонного цвета – любимого цвета попугая.

– Что за дела? – сказали первые брюки, поуже. – Кто-то, похоже, оставил клетку с попугаем прямо на мосту.

– Постой, – пробурчали вторые брюки, пошире. – А вдруг

это взрывное устройство?

– Какое взрывное устройство? – возразил первый полицейский. – Клетка насквозь просматривается, и дно тонкое, ничего там не спрячешь.

– Ну так давай тогда, рискни. Возьми клетку и отнеси в безопасное место, – полушутя-полусерьезно толкнул напарника в бок второй защитник британского порядка.

Инструкции по обращению с предметами, оставленными без присмотра, подробно описывали, что делать в случае обнаружения бесхозных сумок, коробок, чемоданов, но ничего не говорили о клетках с попугаями.

Вокруг полицейских начала собираться толпа зевак. Попугай с интересом рассматривал всех, особенно полицейских, увешанных рациями, дубинками и наручниками.

Констебль Лулу (с ударением на первом «у» – он был родом из тихоокеанской республики Вануату) вздохнул, шагнул вперед и приподнял клетку:

– У меня такой же попугай когда-то был. Зеленый длиннохвостый, с красной короной на голове. Новозеландский какарик. Потом я переехал в Лондон, и попугая пришлось оставить у родственников в Меланезии.

Попугай и Лулу посмотрели друг другу в глаза.

– Чарли. Его звали Чарли, – добавил Лулу.

– Ну вот и отлично, – обрадовался его напарник, который уже опаздывал на ланч. – Значит, ты знаешь, как с ним обращаться. Пошли отнесем Чарли в отделение.

Так попугай оказался в распоряжении констебля Лулу и поселился в его однокомнатной холостяцкой квартире на станции метро «Слон и Замок». Он прожил там еще пятнадцать лет (Лулу так и не женился), а потом мирно скончался от старости. Умирая, он вспомнил, что однажды видел над своей головой яркое солнце, голубое небо, а вокруг – реку, чаек и толпу улыбающихся людей.

Глава 2

Глава 2

Победительница⁴

Фей Фей (или, как называли ее западные друзья, Афина, что совершенно не шло к ее миловидному восточному лицу) встала непривычно рано. Обычно на работу ей было к двенадцати: она работала кассиром в супермаркете с надеждой на повышение до младшего ассистента менеджера. Глупая была надежда, подумала Фей Фей, проснувшись. Надеются на что-то хорошее, а ассистент менеджера в заунывном «Теско» – благо весьма сомнительное. Когда работаешь кассиром, можно хотя бы иметь гибкий график: она всегда выбирала поздние смены, с полудня до восьми вечера, и наслаждалась ленью по утрам. Зарплаты хватало на одежду из «Примарка», встречи с друзьями в недорогих барах и даже – один раз в год – неделю отдыха на Майорке.

На всю эту роскошь зарплаты кассира не хватило бы, если бы Фей Фей снимала какую-нибудь комнатенку на самой окраине Лондона, деля крышу, кухню и ванную с пятью такими же неприкаянными, но снимать жилплощадь ей не приходилось. После гибели старшего брата в аварии («Не буду об этом вспоминать хотя бы сегодня утром», – по-

⁴ Эта глава была впервые опубликована отдельным рассказом в журнале «Юность», №7, 2020. (Здесь и далее *примеч. автора.*)

думала Фей Фей) она решила остаться жить с убитыми горем родителями. Дочернее великодушие не замедлило обернуться ей боком. Немного придя в себя после гибели сына (или, возможно, «заморозив» инстинктивно часть своего сознания), родители Фей Фей переложили свои амбиции на уцелевшего ребенка и принялись попрекать ее при каждой встрече на кухне – к ней в спальню они не поднимались – отсутствием честолюбия.

– Мы приехали в эту страну ни с чем, даже языка не знали! – покрикивал отец семейства Куонг Ханг. – Смогли открыть ресторан, работали там с утра и до поздней ночи, чтобы тебя с братом на ноги поставить, у всех наших друзей из Гонконга дети уже врачи, инженеры, на худой конец бухгалтеры. А ты? В память о брате могла бы поднатужиться! Он бы мог стать известным пианистом, выступать сейчас в Королевском Альберт-холле...

На несколько секунд мистер Ханг замолчал, замечтавшись о будущем сына, несостоявшемся, а потому – бесспорно блестящем. Очнувшись, он устало добавлял:

– Хоть на курсы какие-нибудь пошла бы, бухгалтером стала. А то на кассе сидишь, семью позоришь.

Фей Фей поначалу хотелось ответить не менее резко: что родительскую вонючую забегаловку она в кошмарных снах видит, насиделась там у прилавка в детстве, и что врачом-терапевтом в Англии каждый бомж может стать, парацетамол старухам выписывать, а на хирурга готовиться ни у кого из ее

друзей не хватило ни денег, ни терпения. Иногда ей хотелось еще прокричать сквозь слезы, прямо в лицо отцу: разве семья опозорилась не тогда, когда братец пьяным за руль сел и угробил себя – так, что тело опознали только после медэкспертизы? Однако в последний момент она вдыхала, выдыхала и уходила к себе. К чему со стариками спорить? А злости на их несправедливые упреки (а может, отчасти справедливые? – грызло у нее в сознании) не накипало достаточно, чтобы вылить ее в слова. «Отсутствие амбиций – неизбежный спутник мягкотелости», – мысленно подытоживала Фей Фей уже у себя в спальне, надевая наушники и погружаясь в музыку азиатских бой-бэндов – единственный источник китайского, который ее не раздражал.

Фей Фей спустилась на нижний этаж, прошла на кухню, насыпала в пиалу овсяных хлопьев, залила молоком и начала неохотно есть. Завтракать рано утром, как и все совы, она не любила, но сделала над собой усилие: неизвестно, сколько продлится это собеседование, может быть, ее вообще попросят остаться на целый день. Невольно вспомнился брат, для не китайцев – Эндрю, для своих – Чун Хоу. Он любил вставать рано, шумно собирался в свой музыкальный колледж, хлопал дверями, отчего у него с Фей Фей происходили постоянные стычки. Однажды уставшая просыпаться ни свет ни заря Фей Фей не вытерпела и подлила в корни дерева бонсай, принадлежавшего Эндрю, перекись водорода. Она рассчитывала, что раствор обожжет корневую систему

и карликовое дерево зачахнет, а оно, наоборот, вдруг пустило новые листья после долгого отсутствия каких-либо признаков роста. Эндрю долго ходил радостный, всем рассказывал, как его любят растения, и Фей Фей тогда начала думать, как отомстить ему наверняка. А потом он погиб...

«Блин, я же настроилась не вспоминать о нем сегодня!» Фей Фей тряхнула хвостом длинных черных прямых, как бамбуковые стебли, волос. Но не вспоминать об Эндрю на кухне было невозможно: холодильник пестрел выцветшими фотографиями его и Фей Фей. Несмотря на то, что со времени его гибели прошло два года, убирать их с глаз долой скорбящие родители, конечно же, не собирались. Кстати, его китайским именем, Чун Хоу, Эндрю никто не называл, кроме родственников в Гонконге. Даже родителям он виделся западным мальчиком, эдаким европейским принцем, призванным свыше для выполнения великой таинственной миссии.

Как и его сестра, Эндрю рос тихим кухмистерским ребенком, помогал чистить овощи, лущить креветок, принимать заказы по телефону. Таких, как он и Фей Фей, называли в Великобритании *takeaway kids*⁵: в восьмидесятые целое поколение детей выросло в ресторанах еды на вынос, открытых иммигрантами из Азии. Поначалу на звонки отвечал мистер Ханг-старший, но англичане не понимали его акцента, и на помощь всё чаще стал приходиться Эндрю, в чьей ан-

⁵ Буквально: дети еды на вынос (*англ.*).

глийской речи начинали проскальзывать неожиданные аристократические нотки. Вероятно, сказывалось его пристрастие к экранизациям викторианских романов на Би-би-си. Фей Фей иногда казалось, что он не погиб, а просто родился по ошибке в семье иммигрантов. Потом эту ошибку исправили, и после аварии отправили его по назначению, в эпоху королевы Виктории. Даосизм, реинкарнация – Эндрю бы такое понравилось, подумала Фей Фей, жуящая хлопья. Жаль, что учились они оба в английской католической школе.

Мистер Ханг и его супруга отдавали последние деньги на уроки музыки для детей – непреходящий символ успешной семьи для китайцев-экспатов. Афина терпеть не могла фортепиано: она с трудом запоминала ноты и завидовала Эндрю, который схватывал музыку на лету. Он всё схватывал на лету, даже смерть, подумалось Фей Фей. Может быть, и к лучшему, что такие мысли приходят по утрам. Все эти сказки о том, как родственники погибших стремятся забыть о самом страшном, – это просто чушь. Наоборот, вспомнишь всё самое болезненное с утра – и потом уже можно не бояться, что это всплывет где-нибудь в полдень, подкатит к горлу за обедом или, еще хуже, во время разговора с начальством. Пусть сердце сожмется от боли за завтраком, тогда к вечеру хоть немного отпустит.

Кстати, об обеде. Наверное, лучше захватить с собой какой-нибудь еды, детский сад – это не супермаркет, где кассир может найти себе пропитание, не отходя, так сказать,

от станка. Наверняка другие воспитатели носят с собой какие-нибудь дурацкие сэндвичи с сыром и ветчиной. Фей Фей открыла холодильник: он, как всегда, был забит остатками нераспроданной еды. Гости из креветок с кунжутом, рис, обжаренный с яйцом, холодные свиные ребрышки – вот закуска победителей.

Когда Фей Фей училась в школе, она всегда ела в стороне от остальных детей, на пару с мальчиком-индусом, чьи родители тоже держали небольшой ресторан. Он приносил с собой нераспроданные остатки ароматных карри, лепешки наан, начиненные миндальной крошкой, печеные пирамидки самоса, пахнущие сельдереем. Его и Фей Фей дразнили «вонючками», и хотя на обидчиков можно было пожаловаться и хорошенько протащить их по статье о расизме, Фей Фей даже дома об этих нападках никому не рассказывала, пытаясь быть «выше» них. Потом большинство обидчиков ушли из школы при первой же возможности, сдав экзамены о неполном среднем образовании; Фей Фей и еще кучка ребят остались доучиваться для поступления в университет.

Фей Фей хотела стать учительницей математики, ходила на занятия по детской психологии, игровым технологиям, теории образования. Но после гибели брата учиться расхотелось, и так Фей Фей оказалась на бирже труда. Должность кассира была первой, которую ей предложили. В ее супермаркете все остальные кассиры были, как и следовало ожидать на западной окраине Лондона, индусами, поэтому она

продолжала ощущать себя чужой. Но потом привыкла и стала ходить на работу даже с радостью, горделиво кивая, когда какой-нибудь нерасторопный англичанин, пугливо извиняясь, просил ее подождать и отбежал от кассы за забытым хлебом или помидорами. Если бы не родители, она была бы готова проработать кассиром до старости.

За неделю до сегодняшнего дня мистер Ханг положил перед Фей Фей за ее завтраком (по его представлениям – ранним обедом) смятую распечатку страницы из британско-китайской интернет-газеты.

– Вот, посмотри, – сказал он, по-стариковски тыча пальцем в обведенный шариковой ручкой текст, – приглашают на работу воспитателей в детсад. Знание китайского обязательно. Наконец-то эти англичане поняли, что будущее за Азией!

Когда дочь меланхолично продолжила жевать овсяные хлопья, даже не глянув на листок, мистер Ханг добавил:

– После этого списывать всё на расизм у тебя уже не получится. Под лежащий камень вода не течет.

И ушел на ресторанный кухню чинить постоянно ломающуюся фритюрницу.

На самом деле Фей Фей самой хотелось поскорее прочитать объявление, так как она не могла поверить, что вдруг в английском детском саду захотят преподавателей именно со знанием китайского. Но она сдержалась и взяла листок в руки, только когда отец начал греметь инструмента-

ми за дверь. Объявление действительно гласило: «Мультилингвальный детский сад „Новый мир“ приглашает воспитателей со знанием мандаринского китайского. Минимальные требования: полное среднее образование, опыт работы с детьми. Успешный кандидат должен будет пройти проверку в Бюро уголовных дел, согласно Закону о работниках, имеющих дело с детьми и уязвимыми группами населения». Опыт работы с детьми и сертификат из БУДа у Фей Фей уже имелись: поскольку она собиралась поступать в педагогический, ей пришлось волонтерить в местной начальной школе, где все волонтеры автоматически проходили проверку на наличие криминального прошлого. Учителя в школе были либо белые британцы, либо британцы афро-карибского происхождения: выходцы из Азии явно не стремились реализовывать свои карьерные амбиции на неблагодарной ниве школьной педагогики. Но Фей Фей не унывала: математика не знает цвета кожи, повторяла она, прочитав книгу Марго Ли Шеттерли о чернокожих женщинах-математиках, работавших в шестидесятых годах в НАСА.

Вдохновленная книгой, она провела беспечные две недели, помогая детям младшего школьного возраста решать задачки и учиться читать по слогам. Однажды в школе проводили утро открытых дверей, и те родители, кому не надо было идти на работу, хлынули в классные комнаты поучиться вместе со своими детьми.

Одна из гостей, белая англичанка, приняла Фей Фей

за молодую мать, а когда выяснилось, что к чему, спросила:
– А что, в Гонконге трудно найти работу в школе?

Эндрю тогда еще утешал («Да она, наверное, реально хотела проявить свой богемный интерес к чужой культуре!»), но для Фей Фей тот эпизод стал первой каплей.

Фей Фей утрамбовала половину нераспроданного риса со свиной в пластиковый контейнер и привычно уложила свой обед в маленькую термосумку. Выходить было еще рано, и она снова замерла в задумчивости. Может быть, не надо было принимать бездумно брошенную фразу какой-то мамы близко к сердцу? Мало ли что люди могут брякнуть, иной раз даже, как заметил Эндрю, из добрых побуждений. Но была и вторая капля. Когда Фей Фей пришла в педагогический на день открытых дверей, молодой человек, стоявший перед ней в очереди за буклетами, обернулся, посмотрел пристально и спросил с типичной для выпускника частной школы идеальной дикцией:

– Погодите минуточку, дайте угадаю... Вы – поступаете на курс учителей математики!

Когда смущенная Фей Фей ничего не ответила, он пригнулся к ее миниатюрной фигуре и притворным полусшепотом затараторил дальше:

– Ну и слава Богу, Британии как нации уже не обойтись без помощи Китая, особенно в математике! Сам я в школе, кроме Шекспира и Баха, ничего не мог запомнить. Но нельзя же стране выехать на одной музыке и литературе. Вот

спросите меня, сколько будет умножить шесть на семь – ни за что не соображу. Ну, мне пора! Коничива!⁶

И он ушел, похлопывая по ляжке буклетами, уверенный в собственной непревзойденности. Впрочем, были в человеческой массе и нормальные люди. Пожалуй, их было даже большинство. Но эффект, производимый отдельно взятыми субъектами, имел обидную силу незаживающего пореза. После второй (оказавшейся последней) капли Фей Фей расхотелось преподавать математику. После смерти Эндрю, к счастью (неужели она в самом деле так подумала?!), можно было уже ничего не объяснять, а просто забрать документы из педагогического.

Пора бежать. Вернее, бежать было необязательно: автобусы в центр Лондона ходили по Uxbridge Road бесперебойно, с интервалом не более пяти минут, и в это раннее время пробки случались редко. Однако, выйдя из дома, Фей Фей уже не могла идти спокойно: ей вдруг вспомнилось, как они с матерью неслись, опаздывая, на уроки музыки и на занятия китайским по субботам. Даже когда Фей Фей уже начала ходить в среднюю школу самостоятельно (правда, чаще всего в сопровождении брата), на внешкольные занятия миссис Ханг отказывалась отпускать ее одну. Она и в «Теско» была бы не прочь ее провожать, но Фей Фей убедила мать, что прямой автобус от дома до места работы является сравнительно безопасным способом передвижения – даже в Лондо-

⁶ Здравствуйте (япон.).

не, даже при растущей с каждым годом поножовщине среди бела дня. О вождении машины она, по понятным причинам, не заикалась.

Автобус подъехал сразу: приятное совпадение, которое Фей Фей расценила как добрую примету. Миссис Ханг, кладезь древних восточных суеверий, раздражала дочь постоянными присказками по поводу несчастливой цифры 4 и мандаринов, приносящих богатство; Фей Фей не верила в эти «бредни», но переняла манеру матери видеть в мелочах тайный смысл, особенно когда будущее нервировало своей неизвестностью. Поднявшись в автобусе на второй этаж, она с удовольствием села на свое любимое место – на первый ряд, перед гигантским обзорным окном, как на капитанском мостике. Улица виделась с этой верхотуры потоком тротуаров, витрин и спешащих людей – за всем этим можно было теперь спокойно наблюдать, мерно покачиваясь вместе с автобусом. Часть маршрута до детского сада, где проводилось собеседование, совпадала с дорогой, которую Фей Фей проделывала каждый день на том же автобусе по пути в «Теско». В окнах мелькала привычная смесь польских продуктовых магазинов, халяльных мясных лавок, английских букмекерских, еще закрытых в этот ранний час, аптек с выпирающими над входом зелеными крестами, ломбардов, зарешеченных даже в часы работы, и, конечно, супермаркетов всех размеров и мастей.

Было бы неплохо подняться над всем этим морально и социально, получив работу в сфере образования, думала Фей Фей. Не смогут же они косо на меня посмотреть сейчас, когда сами написали, что им требуется носитель китайского языка. Будет смешно, если на этот раз им не понравится, что я недостаточно хорошо знаю язык моих родителей. Впрочем, кто сможет проверить? Не пригласят же они на собеседование со мной коренного жителя Китая?

Фей Фей заранее просмотрела профили сотрудников на сайте детсада. Про воспитателей там ничего не было написано, а вот про владельцев немного нашлось. Основала детский сад «Новый мир» еще в середине девяностых английская семейная пара, Джун и Ларри Томпсон; в 2012 году они ушли на пенсию, и главным менеджером детсада стала их единственная дочь Тиффани. В том же 2012 году сад перешел на метод Марии Монтессори, названный в честь создательницы известной программы раннего детского развития. Про метод Монтессори Фей Фей узнала на занятиях по психологии. Их преподаватель прозвал его «Учением о застегивании пуговиц». Мария Монтессори, итальянка, скончавшаяся в 1950 году, верила, что главная задача детского сада – обучить ребенка самостоятельности в повседневных вещах, так чтобы ребенок ощутил себя полноценной личностью. Отсюда в методике Монтессори шел акцент не на чтение и счет, а на практические занятия типа мытья настоящей посуды настоящим мылом, забивания гвоздиков, открыва-

ния и закрывания баночек и коробочек, игры с заклепками, шнурками, молниями и, конечно же, пуговицами, пришитыми на одежду, растянутую на специальных рамках. Наиболее шокирующим элементом метода Монтессори была для Фей Фей игра с грязью, призванная разнообразить детский сенсорный опыт. Когда пластилин и песок надоел, гласила методика Монтессори, дайте ребенку покопаться в настоящей земле, смешать ее самостоятельно с водой, с тем чтобы малыш понял причинно-следственную связь «сухое + вода = мокрое и липкое». Когда Фей Фей узнала об этой игре, ей сразу представилась реакция ее матери на подобные сенсорные эксперименты – крик, подзатыльник и строгий запрет трогать землю руками.

Автобус миновал «Теско», где еще числилась Фей Фей (она не стала никому говорить на работе, что идет на собеседование, просто взяла отгул), и поехал дальше в сторону центра. Скоро помимо лавчонок и магазинчиков этнических меньшинств (Фей Фей всегда коробила эта формулировка) начали попадаться пабы с традиционными английскими названиями типа «Принцесса Виктория» и «Бегущая лошадь» – знак приближения к черте оседлости английского среднего класса. По обеим сторонам дороги теперь тянулись сплошные т. н. террасные особняки, поделенные на квартирки, ибо даже английский средний класс не всегда мог позволить себе все четыре этажа и подвальный уровень – классическая викторианская планировка. Наконец на табло высве-

тилась нужная остановка – St Luke’s Church, «Церковь Святого Луки».

По телефону Фей Фей сказали, что детсад располагается прямо за церковью, но она не сразу сообразила, что остроугольное сооружение из красного кирпича с огромным металлическим крестом, рассекающим здание по вертикали, могло быть объектом религиозного культа. Однако яркая голубая табличка на стене уверяла, что это здание, больше похожее на крематорий, чем на храм, принадлежит к англиканской епархии Западного Лондона.

Фей Фей обошла церковь вдоль высоких глухих стен (как туда вообще свет попадает?) и сразу поняла, что не ошиблась адресом: из-за решетчатого забора, завешенного для безопасности зеленой маскировочной сеткой, доносились детский гам и громкие (но не злые) окрики воспитателей. Фей Фей немного помедлила – она пришла на полчаса раньше, чем нужно, – но, увидев направленную на нее камеру наблюдения, решила нажать на кнопку звонка.

Милая девушка-воспитатель, выпалив несколько приветственных фраз на английском с сильным испанским акцентом, провела Фей Фей в офис менеджера.

– Подождите, пожалуйста, здесь, мисс Тиффани скоро подойдет, она проводит занятие в старшей группе.

И она оставила Фей Фей в крохотной комнатке, одну стену которой занимал календарь-планировщик на весь год,

а другую – детские художества: листы бумаги с пятнами краски, с наклепленными на краску помпончиками, конфетти и разной другой развивающей детское воображение мишурой. Сквозь открытое по случаю теплой сентябрьской погоды окно виднелась асимметричная крыша церкви Святого Луки. На столе, три четверти которого занимали компьютер и принтер, стояла коробка, доверху заполненная пальчиковыми игрушками – миниатюрными вязаными лисичками, зайчиками, мышками, фетровыми слонятами и поросятами, героями сказок и просто человечками.

Фей Фей взяла одну игрушку – куколку с желтыми волосами из ниток и глазками-бусинками – и надела на палец. Сразу захотелось этим пальцем подвигать, заставить куклу согнуться, повертеться, поплясать, но в эту минуту вошла другая воспитательница. Фей Фей почему-то испугалась и спрятала куклу в кулаке. Вошедшая девушка ничего не сказала, даже не улыбнулась, а быстро отксерила какую-то картинку и вышла. «Стерва», – подумала Фей Фей, стянула куклу с пальца и положила обратно в коробку. Через несколько минут в офис вошла высокая полноватая блондинка в очках, пиджаке и брюках-стрейч и энергично протянула руку Фей Фей.

– Доброе утро, доброе утро! – защебетала она с несколько приторной интонацией, как это часто делают люди, работающие с детьми и не всегда успевающие переключиться на взрослую манеру разговора. – Вы, должно быть, Фей Фей?

Я правильно выговариваю ваше имя? А что оно значит?

«То, как ты его произнесла, означает „бабуин“, но если произнести его нормально, оно означает „прекрасная“», – подумала Фей Фей.

– Оно означает «красивая», – ответила она. И заставила себя посмотреть Тиффани в глаза и улыбнуться.

– Как мило! – продолжала щебетать Тиффани уже немного менее приторно, постепенно возвращаясь к роли офисного работника. – Меня зовут Тиффани, здесь все зовут меня мисс Тиффани, а если вы будете у нас работать, вас будут звать мисс Фей Фей: имена детям все-таки легче выговаривать, чем фамилии. Хотя, конечно, сейчас в Англии у детей бывают такие имена, что даже я не сразу с ними справляюсь. У нас есть мальчик из бенгальской семьи, его зовут Чандра-дхара, что по-бенгальски означает «звезда», но мы с его родителями условились, что в школе его будут звать Чарли. Ха-ха!

Дальше последовали неизбежные вопросы из разряда «Расскажите немного о себе» и «Почему, по вашему мнению, из вас получится хороший воспитатель детского сада?» Фей Фей они напоминали колючий репейник, сквозь который приходилось грациозно продираться: не из врожденной способности расхваливать себя, а из боязни проколоться и неловко сдуться, как воздушный шарик. Ей пришлось рассказать о своем волонтерстве в начальной школе, вспомнить пару примеров занятий, которые провела с детьми лич-

но она. В памяти всплыли за́мки из втулок от туалетной бумаги и цветы из одноразовых картонных тарелок. В середину тарелки, выкрашенной в желтый цвет, приклеивалась белая бумажная капсула для капкейков – и получался традиционный вестник английской весны, нарцисс.

– Ой-ой! – Тиффани замахала с притворным ужасом руками. – Можете забыть про эти вечные втулки, аппликации, бесконечную возню в пластилине! Наши дети учатся жить в настоящем, а не придуманном мире. Куда полезнее вместо пластилина мять настоящее тесто, наполняя им настоящие формочки для кексов. Вот и китайский мы решили добавить в нашу программу потому, что в настоящем мире без китайского скоро будет никуда не деться. Это я говорю как комплимент великой и трудолюбивой китайской нации! – поспешила добавить она и улыбнулась, показав оба ряда длинных белых зубов.

Фей Фей заставила себя улыбнуться в ответ (этот корпоративный оскал мне неплохо дается, пронеслось в голове).

Поймав ожидаемую улыбку, Тиффани продолжила:

– Главной причиной, по которой мы хотим ввести китайский для наших малышей, является, конечно, быстрый рост числа носителей китайского языка среди наших клиентов. В основном это успешные китайские бизнесмены, осевшие в Лондоне. Они мечтают, чтобы их дети овладели родным языком родителей.

Фей Фей стало немного страшно. По-китайски она гово-

рила с английским акцентом, читать традиционные иероглифы могла лишь отчасти – разве что похвастаться безупречным знанием китайского меню перед этими успешными бизнесменами?

– Мои родители из Гонконга, – сказала она, притворяясь немного оскорбленной. – В нашей семье мы говорим на путунхуа или, как его принято называть здесь (в стране дремучих колониалистов, добавила она мысленно), мандаринском китайском.

– Вот-вот, как раз то, что нам нужно – мандаринский! – обрадовалась Тиффани, успевшая на секунду округлить глаза при упоминании незнакомого ей путунхуа. – Знаете ли вы детские песни на мандаринском? Типа английской колыбельной про звездочку?

К счастью, именно китайский перевод английской колыбельной про звездочку Фей Фей помнила еще со времен субботней китайской школы, но она не стала сознаваться в скудости своего репертуара и перевела разговор на китайскую каллиграфию. Тиффани была в восторге. В конце недели, не найдя, наверное, большого количества желающих менять подгузники и вытирать сопливые носы с перерывом на китайские песенки, она позвонила Фей Фей и поздравила ее с новой работой.

* * *

Странное, однако, ощущение: всю жизнь стремишься слиться с большинством, пытаешься говорить на нарочито разговорном английском, со сленгом, как заправский житель лондонских трущоб, чтобы потом тебя взяли на работу благодаря принадлежности к этническому меньшинству. Все школьные годы Фей Фей скрытничала о своих родителях, не хотела рассказывать учителям, а тем более одноклассникам, чем они занимаются, терпела шутки о своих обедах из китайского бистро. И тут ее просят рассказывать о предках-иммигрантах потенциальным клиентам детсада: мол, это повышает ее «аутентичность» как китайки.

Миссис Ханг не могла нарадоваться, когда Фей Фей спросила, нет ли у них дома каких-нибудь традиционных китайских украшений типа красных фонариков с бахромой. На следующий день миссис Ханг вернулась из оптового китайского магазина с целым ворохом: новогодними свитками из красной бумаги чуньянь, декоративными деньгами гуйцзянь, фигурками драконов и тигров, вышитыми подвесками с пожеланиями благополучия. Всё это Фей Фей преподнесла, немного стесняясь, Тиффани: та расхвалила дарительницу на утренней летучке и велела освободить один из детских стеллажей специально для «объектов китайской культуры». С условием, что «детки будут с ними свободно играть, развивая тактильные ощущения».

Фей Фей сначала хотела возразить – бумажные обереги, хрупкие и заряженные взрослой символикой, недолго протя-

нут в шаловливых детских руках, – но потом решила плыть по течению. Так к концу первого месяца на новой работе она заняла в иерархии воспитателей детсада почетное место специалиста по экзотическому и экономически востребованному Китаю.

* * *

Франческу Тиффани сразу невзлюбила. Была ли причиной этому ее хурда, о которой Тиффани мечтала, несмотря на многочисленных (но не очень постоянных) поклонников? Или волосы, удачно окрашенные в модный черно-белый, благодаря чему довольно невзрачная француженка выглядела как известная поп-певица? Или ее хобби, которое та гордо обозначила в резюме: честное слово, кто о таком вообще пишет – танцы с обручами?! Тиффани, прочитав резюме Франчески, забила в поисковую строку непривычное слово «хупинг» – и с удивлением узнала о существовании студий, обучающих взрослых и детей вертеть пластиковые кольца.

Со времен детства Тиффани обручи стали куда более привлекательными: они переливались всеми цветами фольги и неона и даже светились изнутри. Тиффани потянуло записаться на пробный урок, но она представила себя вертящей обруч обтянутыми лайкрой бедрами и передумала. «Пусть француженка покрутит у нас в детсаду на дне спорта – не надо будет приглашать аниматора со стороны», – домовито рас-

судила она и наняла Франческу вести французский (а заодно, раз в неделю, и спорт) у малышей. Ведь за последние два года вместе с ростом числа обеспеченных семей в Лондоне открылись новые детсады – сплошь сады Монтессори, билингвальные с французским языком, сады-студии, детские досуговые клубы, арт-ясли и тому подобные усовершенствованные инкубаторы. Чтобы выгодно отличаться от конкурентов, уроков китайского с Фей Фей, по мнению Тиффани, стало не хватать. Фотографии «черно-белой» Франчески и счастливых карапузов, увлеченно играющих под ее руководством, могли послужить отличной свежей заставкой на сайте детского сада «Новый мир».

* * *

Наступила осень, вторая с момента поступления Фей Фей на новую работу. Постепенно забылись длинные вечера за кассой: автобус проскакивал мимо «Теско», но Фей Фей даже не вспоминала об унылом супермаркете. Теперь ее голова была занята детьми в саду: их характерами, капризами, предпочтениями в играх и еде, именами их привередливых и дотошных родителей. По дороге на работу, глядя в запотевшее окно автобуса, она уже видела перед собой вместо лавчонок и магазинов знакомые глаза. Вот, например, трехлетний Зейн. Его родители, испанка и турок-мусульманин – очень красивая пара, – решили, что Зейну легко даются язы-

ки. В результате они попросили Тиффани добавить в пестрый набор языков, уже и так раздававшихся вокруг их черноглазого мальчика, китайский – на случай, если Зейн захочет развивать бизнес в Китае, когда вырастет. Подобная дальновидность сместила Фей Фей, но Зейн ей нравился: в отличие от других детей, слушавших китайские песенки молча и насуплено, он старательно подпевал и быстро запоминал новые слова. Кто знает, подумала Фей Фей однажды, может, Зейн действительно, пойдя по стопам отца, откроет автомобильный салон где-нибудь в Гонконге и женится на китаянке. И будут у него дети – граждане мира, генетический калейдоскоп. Как и полагается в двадцать первом веке. Замечтавшись, Фей Фей чуть не пропустила свою остановку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.